

Кулешова И. Г.

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРОЗДАНИЯ В
СБОРНИКЕ "ПОД СЕВЕРНЫМ НЕБОМ" К. БАЛЬМОНТА**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/43.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 101-103. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

2. Ost West, zu Hause best.
3. Gebranntes Kind scheut das Feuer.

12) Напишите рассказ, заголовком которого может быть данная пословица.

1. Eile mit Weile.
2. Keine Rosen ohne Dornen.
3. Wie die Saat, so die Ernte.

Пословицы являются своеобразным регулятором человеческого поведения и миропонимания и представляют собой клишированные суждения, выражающие опыт народа в отношении моральных или категориальных императивов. Естественно, с течением времени это отношение может варьироваться в зависимости от политических, экономических и социальных перемен, происходящих в мире и внутри одной культуры, в данном случае немецкой.

В заключении следует отметить, что «изучение пословиц, отражающих черты национального характера народа страны изучаемого языка, способствует: а) повышению мотивации к изучению иностранного языка; б) глубокому овладению учащимися системой знаний; в) снятию культурологического барьера; г) обогащению коммуникативно-речевого репертуара для осуществления межкультурной коммуникации; д) билингвистическому и бикультурному развитию личности учащегося» [Жаркова, Синицких, 2008, с. 78].

Список использованной литературы

1. Бим И. Л. Немецкий язык. Базовый курс. Концепция, программа. М., 1995.
2. Большой немецко-русский словарь. М., 2000.
3. Елифанова М. В. Немецкий язык для повседневного общения. М., 1996.
3. Жаркова Т. И., Синицких О. В. Отражение национального характера в пословицах и поговорках // Иностранные языки в школе. 2008. № 1.
4. Молчанова И. Д. Краткая грамматика немецкого языка. М., 1996.
5. Русско-немецкий словарь. М., 1998.

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРОЗДАНИЯ
В СБОРНИКЕ «ПОД СЕВЕРНЫМ НЕБОМ» К. БАЛЬМОНТА**

Кулешова И. Г.

ГОУ ВПО «Магнитогорский государственный университет»

Ещё в раннем творчестве поэт формирует оригинальную систему мироздания. В её основе лежат четыре мира: два условно материальных (земной и небесный) и два идеальных (инфернальный и мир «мечты»), которые противопоставлены по принципу бинарных оппозиций. В сборнике «Под северным небом» К. Д. Бальмонт особое внимание уделяет изображению мира инфернального. Причиной является не столько стремление к эпатажу, хотя в целом это было свойственно творческой натуре художника и вполне соответствовало стилю декадентской поэзии конца XIX века, а диктовалось сложившейся уже в ранних сборниках мировоззренческой концепцией.

Как известно, изображение инфернального мира тесным образом связано с образом смерти. К нему поэт обращался неоднократно. Показательно в этом отношении одно из стихотворений с одноименным названием, в котором автор размышляет о традиционной и нетрадиционной трактовке данного понятия: «Не верь тому, кто говорит тебе, / Что смерть есть смерть: она начало жизни, / Того существования неземного, / Перед которым наша жизнь темна, / Как миг тоски - пред радостью беспечной, / Как чёрный грех - пред детской чистотой»¹. В этой строфе автор противопоставляет земное существование внеземному. Смерть в данном контексте представляет собой некий пограничный (инфернальный) мир, отделяющий земной мир от мира «мечты» (рая). Что, в свою очередь, это является разгадкой парадоксального смысла следующей строфы стихотворения: «Нам не дано познать всю прелесть смерти, / Мы можем лишь предчувствовать её, - / Чтоб не было для наших душ соблазна. / До времени покинуть мир земной / И не пройдя обычных испытаний, / Уйти туда с своими слабыми очами / Туда, где ослепил нас высший свет» [Бальмонт, с. 9]. Таким образом, вся «прелесть» смерти для поэта заключается в том, что она даёт возможность человеческой душе, пройдя установленный для неё комплекс испытаний, оказаться на пути к высшему свету (раю либо «миру мечты»). Кроме того, поэт уже в раннем творчестве выстроил для себя некий кодекс «правильной жизни» земного человека, стремящегося к самосовершенствованию. Он заключается в стремлении сохранить в душе «...огонь нетленный / Божественной мистической тоски», а также в наличии желания «...быть не тем, чем быть ты можешь / Бестрепетно идти всё выше-выше / По лучезарным чистым ступеням, ...» [Там же]. Под «огнём нетленным», возможно, подразумевается «мечта». Именно она даёт истинный путь к вечности и приближает человека к божественной сущности. «Лучезарные чистые ступени», упоминаемые автором как путь к вечности есть ничто иное как «путь к солнцу», который будет изображаться неоднократно в последующих сборниках К. Д. Бальмонта. Особое внимание хотелось бы обратить на описание небесного мира, как антипода земного мира: «...пока перед тобой не развернётся / Воздушная немая бесконечность, / Где

¹ Бальмонт К. Д. Собр. соч.: в 2 т. М.: Можайск-Терра, 1994. Т. 1. С. 9 (далее все ссылки даются по этому изданию, с указанием стр.).

время прекращает свой полёт» [Там же, с. 10]. Он характеризуется тремя особенностями: «немой бесконечностью», «неподвижностью» и «вневременностью». Соответственно, можно допустить, что «земной мир» как полная ему противоположность обладает полярными по отношению к нему качествами: «конечностью», «подвижностью» и «текучестью во времени». Главным преимуществом жизни в идеальном мире становится «свобода / В разумной подчинённости Творцу». Не трудно догадаться, что в этих строках речь идёт о рае, правда его описание не соответствует традиционной христианской трактовке данного понятия. Согласно логике стихотворения, степень подчиненности Творцу каждый житель рая определяет для себя сам, что, конечно же, противоречит идейным постулатам, заложенным в Библии. Соответственно, К. Д. Бальмонт уже в своем раннем творчестве в большей мере близок не к каноническому христианскому учению, а к идейно-философским воззрениям древних гностиков. Особое внимание хотелось бы обратить на описание «непочатого пути». По нему «стремится наше Солнце / Ведя с собой и Землю, и Луну». Конечной целью этого пути является «прекрасное созвездье Геркулеса». Как известно, римский бог Геркулес в мифологической традиции первоначально почитался как воинственный бог, «победитель», «непобедимый». С течением времени образ бога усложнился, обогатился и теперь Геркулес предстаёт в мифологической традиции «как человек, ставший богом за свои заслуги, он рассматривался как залог надежды на бессмертие для любого честного человека»¹. Освежив в памяти функции римского бога Геркулеса, мы приходим к выводу о том, что «непочатый путь» к которому стремится «наше Солнце» - это путь к сверхчеловеку, те самые «светлые лучезарные ступени», о которых мы уже упоминали выше². Итак, данное стихотворение раскрывает роль образа смерти, а также помогает понять, как располагаются компоненты структуры мироздания поэта в пространстве: земной и небесный мир заключают в себе её материальную, объективно-существующую составляющую, в то время как inferнальный мир и «мир мечты» олицетворяют идеальную и субъективно-существующую составляющую структуры мироздания.

Логически продолжает духовный поиск автора второе стихотворение с названием «Смерть». В нём поэт обращает свой взор к властелину inferнального мира - дьяволу, показывая его могущество и разрушительную силу: «Суровый призрак, демон, дух всесильный, / Владыка всех пространств и всех времен / Нет дня, чтоб жатвы ты не снял обильной, / Нет битвы, где бы ты не брал знамён» [Там же, с. 44]. Преимущество дьявола заключается в том, что он, как ни странно, побеждает практически в любой войне. Более того, с точки зрения поэта, смерть обладает некой целительной силой. Дьявол способен подарить человеку то, что он больше всего желает: «Ты шлешь очам бессонным сон могильный / Несчастному, кто к пыткам присуждён, / Как вольный ветер, шепчешь в келье пыльной, / И свет даришь тому, кто тьмой стеснён» [Там же]. Из вышеизложенного мы заключаем, что поэт поклоняется смерти. О чем свидетельствуют следующие строки: «К тебе, о царь, владыка, дух забвенья, / И бездны зол несётся возглас мой: / Приди. Я жду. Я жажду примиренья!». Как известно, слово «бездна» включает в себе значение «бесконечности». Соответственно, наличие «бездны зол» позволяет нам допустить мысль о том, что зло земного мира бесконечно. Поэтому поэт призывает читателя освободиться от зла земного мира при помощи смерти, рассматривая последнюю исключительно как переход из одного состояния в другое.

Продолжает тему смерти стихотворение «Смерть, убаюкай меня». Лирический герой говорит о том, что устал от земной жизни и стремится перейти в мир иной: «Жизнь утомила меня. / Смерть, наклонись надо мной! / В небе - предчувствие дня, / Сумрак бледнеет ночной... / Смерть убаюкай меня!» [Там же]. С первых строк обращает на себя внимание противопоставление дня и ночи. Неслучайно утомлённость лирического героя жизнью обостряется в преддверии рассвета. Ночь своей тишиной и умиротворённостью создаёт художнику комфортную обстановку творческого вдохновения, чего ему очень сильно не хватает днём. Отраду для души лирический герой находит в природе. Она является своего рода аналогом его «идеального мира». Наряду с восторженным описанием природы ранней душистой весной, в стихотворении присутствует противоборствующая тенденция: лирический герой грустит по поводу появления «Вестника бессмертного дня», который свидетельствует о неумолимой победе материального над духовным. Поэтому в финальном четверостишии с новой силой произносится клятвенный призыв: «Смерть, убаюкай меня!».

Изучая особенности inferнального мира, хотелось бы выделить ряд его характерных атрибутов, которые представлены в стихотворении «Болото»: «О, нищенская жизнь, без бурь, без ощущений, / Холодный полумрак, без звуков и огня» [Там же, с. 15]. Под «нищенской жизнью» автор подразумевает отнюдь не скудный достаток, а скорее дефицит бурных эмоций («без бурь, без ощущений»), который вызван в данном случае атмосферой «холодного полумрака без звуков и огня». Увлекаясь «неопределённостью красок» inferнального мира, поэт стремится описать «все особенности царства мёртвых»: ядовитые цветы, зловещий хоровод черных жаб. Черные жабы, «исчадие трясины», (если следовать алхимической символике) являются в произведении символом дьявола и смерти.

Ещё одна грань взаимосвязи между компонентами структуры мироздания К. Д. Бальмонта раскрывается в стихотворении «У Фьорда». В нём автор изображает два мира: inferнальный и «мир мечты» также по характерному для творчества символистов принципу бинарной оппозиции. Не случайным является название

¹ Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 2000. Т. 1. С. 284.

² Это, конечно же, является отголоском влияния учения немецкого философа Ф. Ницше и воссоздания отдельных черт главного героя его книги «Так говорил Заратустра».

произведения. Под фьордом понимается северный морской залив. Море в поэзии символистов представляет собой стихию, близкую к inferнальному миру. Он изображён в стихотворении через характерные для него атрибуты холода, темноты, скорби: «Хмуро северное небо, / Скорбны плачущие тучи, / С темных скал на воды фьорда / Мрачно смотрит лес могучий» [Там же, с. 19]. «Северное небо», «плачущие тучи», «темные скалы» и, наконец, мрачный могучий лес, который в мифологической традиции скрывает в себе вход в загробное царство, в полной мере для нас характеризуют особенности inferнального мира К. Д. Бальмонта. Эта атмосфера тягостна поэту и поэтому его «душа рвётся прочь и жаждет воли и простора», рвётся навстречу к желанному «миру мечты». Его черты автор рисует в третьем и четвёртом четверостишьях. Inferнальный мир тесен, а «мир мечты» просторен; в одном присутствует мрачный лес - в другом процветают степи, луга и травы душистые. Кроме того, главной достопримечательностью идеального мира поэта, конечно же, становится «колокольчик русской тройки», который отгоняет нечистую силу и охраняет русского человека от всех бед и несчастий.

Логически продолжает духовный поиск поэта стихотворение «Родная картина». В нём автор изображает взаимосвязь трёх миров: небесного, земного и inferнального, каждый из которых мы можем легко узнать по характерным для него атрибутам. О наличии земного мира напоминают «деревенская изба и старый повалившийся плетень возле неё, а также «дороги лента» и «вид унылый придорожного столба». Мир небесный представлен через образ «отуманенного неба», который в поэзии символистов ассоциируется с обманом, потерей чего-либо. Поэт рисует в произведении пасмурный осенний день. Осень бесспорно поэтическое время года, но именно это состояние в полной мере способствует появлению грусти лирического героя об утраченном им когда-то «мире мечты». Следствием этого и является его стремление поскорее уйти из земного мира («...И невольно рвёшься вдаль, / И невольно давит душу / Бесконечная печаль»). Неслучайно в произведении появляется inferнальный мир. О его наличии напоминают характерные атрибуты «полусвета» и «полусумрака». Обстановка этого мира, с точки зрения автора, чрезвычайно благоприятна для творческих свершений художника. Последнее является разгадкой заглавия стихотворения - творческая атмосфера заключает в себе «родную картину» в глазах поэта.

Итак, мы выявили главную особенность формирования системы мироздания в сборнике «Под северным небом» К. Бальмонта: её оригинальная структура обусловлена добровольной духовной миссией лирического героя. Он ставит перед собой цель постоянного творческого самосовершенствования и добивается её, преодолевая все возникающие препятствия. Этой важной сверхзадачей проникнуто всё творчество поэта.

ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ АГИОГРАФИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ НАЧАЛА ХХІ В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ВОПРОСЫ МЕДИЕВИСТИКИ»)

Липилина Е. Ю.

Казанский государственный университет

В данной статье нами предпринята попытка провести краткий обзор основных работ, посвященных древнерусской агиографии, которые были опубликованы на страницах журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». Таким образом, мы можем сделать некоторые выводы о направлениях, особенностях изучения житийных памятников в отечественной медиевистике начала ХХІ в.

Журналом «Древняя Русь» как одно из ведущих было провозглашено комплексное изучение памятников древнерусской литературы, в том числе и агиографии. Об этом говорится в докладе главного редактора Е. Л. Колявской [Колявская, 2002], который можно считать программным. Раз в два года проводится международная конференция «Комплексный подход в изучении Древней Руси», итоговые материалы которой (тезисы и доклады) публикуются на страницах журнала.

Основы данного подхода были заложены в работах В. В. Кускова, который предложил оригинальную методологию изучения феномена древнерусской святости. Он считал необходимым рассматривать агиографический материал на широком фоне народного восприятия и почитания святого.

В начале ХХІ в. в медиевистике продолжают развиваться основные направления изучения древнерусской агиографии, заложенные в трудах как дореволюционных, так и советских ученых. Однако в свете нового методологического принципа - комплексного подхода - они претерпевают значимые модификации.

Важным аспектом изучения житийной литературы становится выстраивание истории складывания и распространения культа святого. А. Г. Мельник, сделав вывод о времени местной канонизации ростовского епископа Игнатия, определил своеобразие его почитания в начальный период культа [Мельник, 2003].

Не менее важной задачей является и определение взаимоотношений между текстами. А. М. Введенский, сравнив летописное и проложное повествования о варягах-мучениках, убедился в первичности летописного произведения [Введенский, 2008].

Развивая идеи академической и советской медиевистики, а также традиции В. В. Кускова, О. Б. Хабарова проследила различные воплощения образа Юлиании Лазаревской в литературе второй половины ХІХ в. [Хабарова, 2006]. Идея «спасения в миру» оказалась привлекательной для таких авторов как А. Н. Островский, Е. С. Некрасова и Л. Н. Толстой. Проведенный Хабаровой анализ подтвердил тот факт, что во второй половине ХІХ в. русская литература обращается к древнерусской как к важнейшему источнику в поисках нравственного возрождения человека.